

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, доцента,
профессора кафедры истории России с древнейших времён до XX в.
Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ал. В. ПЕТРОВА

о диссертации

ИГУМЕНА ПИМЕНА (СЕМИЛЕТОВА ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА)

«ТАМБОВСКИЕ МОНАСТЫРИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX вв.»

представленной на соискание ученой степени
кандидата богословия.

Тысячелетняя Россия явила миру уникальную культуру православных монастырей и монашества. При всей фундаментальной схожести иноческих традиций во всех странах православия, каждая из этих стран раскрывала в истории что-то своё — творческое и интимное — позволяющее глубже понять природу христианской индивидуальности каждого православного народа.

Антон Владимирович Карташёв имел полное право на по-прежнему будоражащий научную дискуссию приём, назвав свою статью 1936 года «Русское христианство». Как возможно такое парадоксальное название? — подумали тогда, да и думают сегодня, многие. Ведь в христианстве «нет ни Еллина, ни Иудея...» Но и с другой стороны, на всемирный христианский призыв каждая культура откликается своим национальным индивидуальным голосом! И в этом смысле можно говорить о «русском», «французском», «английском» или каком-ином христианстве.

Языком Церкви и образованности с самого начала нашей истории у нас стал свой собственный славянский язык, что предопределило особенности переводов с греческого. Желая шаг за шагом освоить уже пройденный Византией путь, древнерусские переводчики, как правило, переводили не современников, а ранневизантийскую классику. Поэтому и собственное религиозное творчество Древней Руси вдохновлялось образцами, взятыми не из византийской современности.

Георгий Петрович Федотов первым обратил внимание на близость идеала русской *преподобнической* святости к *ранневизантийскому палестинскому* идеалу.¹ «Духовным отцом русского монашества» был Феодосий Печерский, и, как пронизательно и образно некогда определил Г.П. Федотов, «все русские иноки — духовные дети его, несущие на себе его фамильные черты». Прп. Сергей — наиболее яркий выразитель русского идеала святости, но он наследник и продолжатель традиции Феодосия. В России нового времени эти традиции получили достойное продолжение у прп. Серафима Саровского, Оптинских старцев, у многих других замечательных подвижников. «Заветы Феодосия», его «фамильные черты», отражающие специфику русской *преподобнической* святости, живы и в наши дни.

Характеризуя наиболее интимный срез духовно-исторического феномена русского монашества, нельзя не отметить, что наше изначальное восприятие концепции *кенозиса*, олицетворённое в истории святых князей-страстотерпцев *Бориса и Глеба* — «первых венчанных избранников Русской Церкви» также овеяно ранневизантийским духом. Как справедливо заключил Г. П. Федотов, при всём очевидном евангельском происхождении идеи вольной жертвы за Христа для неё невозможно найти агиографический образец. «*Подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещенного русского народа*». «Младенчески»-непосредственное восприятие христианства из его евангельского первоисточника шло рука об руку с общей «ученической» ориентацией неофитов на времена «старохристианской классики» с их более демократическим по своему характеру монашеством и особой близостью подвижников V–VI вв. к евангельскому идеалу.

История православия на Руси и история именно русского иночества представляют собой завораживающую картину развития христианской культуры в её индивидуальном выражении.

Сказанное предопределяет моё отношение к проблематике рецензируемой диссертации, к оценке её важности и актуальности. Перед нами научный

¹ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Париж, 1985. С. 32–48.

труд, всецело посвящённый конкретному показу жизни русского монашества в переломную историческую эпоху. Более того, региональный ракурс исследования, изучение источников по истории монастырей Тамбовской губернии, позволил автору, выражаясь его словами, не смотреть «на историю Православия в России глазами столичных архивов, которые далеко не полно отражают основные аспекты развития этой истории. Без знания региональной составляющей невозможно делать глобальные выводы о магистральных путях развития Церкви в Синодальный период. И здесь вклад региональных архивов, а именно на этом материале построена данная работа, значителен».

После очень удачного раскрытия актуальности и важности темы своего исследования, введения в её контекст, диссертант переходит к характеристике источников и историографии. Несомненной заслугой автора является разработка им тех местных материалов, которые ещё не задействовались исследователями с надлежащей глубиной. В научный оборот введено большое количество неопубликованных архивных данных.

Первая глава диссертации призвана была дать общую характеристику тамбовских монастырей и в том числе раскрыть основные тенденции развития российских монастырей в пореформенное время.

И вот тут я позволю себе сделать, пожалуй, самое главное своё замечание автору рецензируемой мною несомненно талантливой диссертации. Конечно, нельзя объять необъятное! Но мне кажется, что диссертанту следовало самоопределиться на более масштабном историческом фоне, показать изучаемые им явления и процессы в более широком культурологическом и богословском контексте. Недостаточно было ограничиваться «пореформенным временем». Мне не хватило вписанности исследуемой исторической реальности в религиозно-церковную историю России и Православного мира в целом, не хватило всего того, о чём я, намеренно подробно, говорил в самом начале своего отзыва. Наш сегодняшний диспутант деловит, конкретен, предельно корректен в источниковедческом отношении, но там, где надо «взлететь», надо «взлетать»! Базовая

для человечества богослово-философская культура воспитала в своём лоне субкультуру диалектики «единичного, особенного и общего». Внимание к отмеченному обстоятельству несомненно усилило бы научно-аналитический потенциал и эвристическую значимость рассматриваемой диссертации.

Обсуждаемый труд очень «ровный», добротный во всех своих частях, поэтому я не решаюсь сказать, что вторая глава рукописи «лучше» прочих, но мне она показалась наиболее интересной. Затронутые в ней сюжеты мне очень близки. С особенным интеллектуальным (и эмоциональным) удовольствием я знакомился с приводимыми материалами и доселе неизвестными подробностями. И вот, я опять не понимаю, почему автор, такой тщательный и осведомлённый, «не воспарил» в научно-богословском анализе и обобщении, а весьма буднично исполнил персональные темы Серафима Саровского и Феофана Затворника?! Оба — закономерные, а по мне, так Главные, герои его повествования. Оба настолько велики, что затронь одного из них и сразу и непременно дадут о себе знать многие важнейшие проблемы истории русской культуры и христианского богословия, оживятся десятки «гиперссылок», врывающихся в «оперативную память» церковно-исторического и богословского исследования. Христианство зиждется на примате абсолютного духа, — говорил А.Ф. Лосев. Ни один человек Нового времени не повторил ещё, так непреднамеренно, так естественно, подвига тех великих идеалистических фигур, на которых, как мост на своих сваях, стоит христианство, — говорил о прп. Серафиме грешный, но искренне кающийся и верующий Василий Розанов! А в рецензируемой рукописи мы на этот счёт читаем о том, что несомненно интересно, но, всё-таки, — не самое главное!

Вместе с тем, замечательно обогащает науку параграф Второй главы, посвящённый «Внемонастырским формам жительства». Но мне показалось, что автор даже сам не понял, насколько он приумножил наши представления в этой области, а дал он нам многое! Показалось так потому, что я опять не увидел «авторизации» в соответствующем богослово-философском контексте.

Не вполне устраивает меня и исполнение диссертантом темы «Афонская смута и её отголоски в Тамбовской епархии». Как много написано об «имяславцах»! Нельзя оказываться вне этой полемики, словно не замечая её. Обязательно, как я считаю, надо было, по меньшей мере, ввести в ткань исследования мысль В.С. Соловьёва, и «обыграть» её как-то, о том, что русскому благочестию, как никакому другому в православном мире, была присуща важнейшая особенность — ощущение Бога в земной святыни. В этом корень многих явлений русской культуры и русской религиозности. «Богоматериализм», — называл эту особенность В.С. Соловьёв. Вывод фундаментальный и потрясающий. Но ни ссылок, ни полемики, или согласия и поддержки, — ничего на данный счёт в диссертации нету.

Вместе с тем, в целом я склонен дать представленной диссертации весьма высокую оценку. Перед нами замечательный кропотливый труд церковного историка-профессионала. Рукопись прежде всего именно научно-*историческая*. Наш автор — «Историк Историкович». Источниковедческая сторона работы блестяща! Источники выявлены и задействованы по-максимуму. Труд игумена Пимена принадлежит к тому, весьма достойному, жанру научной литературы, когда во главу угла ставится реконструкция событийной стороны реальности. По классическому завету А.Е. Преснякова, в диссертации царит приоритет источника и факта перед любыми «теоретическими представлениями». Лучше смолчать, чем сказать неправду, — говорил один из основоположников русской исторической науки Август Шлецер. Вот, наш автор иногда и «молчит», но это — многозначительное молчание. Давно замечено, что наши недостатки есть продолжение наших достоинств. А достоинства и добротность рецензируемой диссертации для меня совершенно очевидны. То, что я говорил по ходу отзыва, это даже не замечания, но, скорее, некая дань уважения к труду игумена Пимена, к которому невозможно остаться равнодушным, и рекомендации на будущее. К тому же, и я, как и каждый из нас, могу ошибаться!

У меня нет сомнений в том, что представленная к защите рукопись Игоря Александровича Семилетова «Тамбовские монастыри в пореформенное время

— вторая половина XIX — начало XX вв.» вполне соответствует всем требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям по гуманитарным наукам. Перед нами самостоятельное, завершённое, творческое исследование, решающее важную и актуальную научно-историческую и богословскую проблему. Диссертант вполне достоин присуждения ему учёной степени кандидата богословия. Представленная диссертация есть триумф церковно-исторической науки как части изначальной для интеллектуального развития человечества богослово-философской культуры.

Профессор кафедры истории России
с древнейших времён до XX века
Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор исторических наук, доцент

28 августа 2018 г.

Петров Алексей Владимирович

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

Петрова А.В.

ЗАВЕРЯЮ

